

МИХАИЛ ТИТОВ

ЗИМНЯЯ ПЕРЕСТРЕЛКА

Михаил Титов

Зимняя Перестрелка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73188213

SelfPub; 2026

Аннотация

Стоящая столбиком морозная мгла над Москвой разорвана огнем и шумом. Снежные улицы, обычно оживленные и яркие, превратились в арену немислимой, методичной войны, где бандитские разборки перестали быть теньвыми и выплеснулись в свет фонарей, намертво сцепившись с отчаянным сопротивлением полиции. Пока спецназ штурмует подъезды, а снайперы замирают на крышах, небольшая группа следователей из ГСУ СКР копается не в гильзах, а в мотивах. Их расследование ведет не к банальной борьбе за сферы влияния, а в глубокую, ледяную пустоту, скрытую за хаосом. Почему все пошло прахом именно сейчас? Кому выгоден этот апокалипсис на крови, превращающий столицу в полигон?

Содержание

Тихие выстрелы в морозной мгле	4
Первая кровь на снегу	13
Следователь и хаос	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Титов

Зимняя Перестрелка

Тихие выстрелы в морозной мгле

Мороз пришел не ночью, а под утро, тихо и без объявления войны. Он не спустился с неба, а поднялся из самой земли, из промерзших насквозь труб теплотрасс, из глубины бетонных фундаментов. И остался, врос в городскую ткань, сделал ее хрупкой и звонкой. Воздух перестал быть воздухом, превратившись в колючую, мелкодисперсную взвесь, в ледяной туман, который не рассеивался, а висел неподвижно, от края до края горизонта. Москва проснулась в банке с жидким азотом.

Белый, слепящий лежал снег на карнизах, а внизу, в подъездных провалах, тьма густела, как смола. Улицы, еще вчера живые от вечерней толчеи, теперь пустовали, отдавая пространство этому мертвому, парящему свету. Фонари, не выключенные с ночи, горели тусклыми оранжевыми сферами, чьи лучи не пробивали мглу, а лишь обозначали сами себя, создавая иллюзию укрытия в маленьком, хорошо освещенном круге. За его пределами – белесая, безформенная

пустота. Скрип. Бесконечный, раздражающий скрип подошв по утрамбованному до состояния наждака снегу. И тишина. Такая плотная, что закладывало уши.

Первое тело нашли в шесть тридцать утра во дворе дома на Третьей Тверской-Ямской. Дежурный участковый, старый Волков, совершал свой утренний обход, уткнувшись в воротник шинели, из которого торчал лишь красный от холода нос. Он почти споткнулся о него. Мужчина в дорогой, но не кричащей дубленке лежал на спине у черного входа в ресторан, лицом к свинцовому небу. Поза была неестественно спокойной, как у спящего. Если не считать маленького, аккуратного отверстия прямо в центре лба. Крови почти не было. Лишь тонкая, замерзшая алой сосулькой дорожка от виска к уху, уже припорошенная свежим инеем. Волков замер. Потом, не спеша, достал рацию. Его голос прозвучал хрипло, без эмоций, будто он докладывал о сломанной лавочке. «Вызывной. Труп. Мужчина. Выстрел, похоже, в голову. Третья Тверская-Ямская, двор между корпусами семь и восемь». Он не стал приближаться. Просто стоял и смотрел, как пар от его дыхания смешивается с общей белесой пеленой. В глазах у старика была не паника, а глубокая, усталая досада. Как будто он знал, что это начало. Начало чего-то долгого и очень грязного.

Второго обнаружили в семь пятнадцать в подъезде элит-

ной новостройки на Котельнической набережной. Жильцу с пятого этажа, вышедшему выгуливать нервного цвергшнауцера, собака уперлась лапами в дверь, ведущую в техническое помещение под лестницей, и заскулила. Дверь была приоткрыта. Внутри, среди веников и разорванных картонных коробок, сидел, прислонившись к трубе отопления, еще один мужчина. Лицо восковое, полуоткрытые глаза смотрели в стену. На горле, чуть левее кадыка, зиял аккуратный, неглубокий разрез. Как будто провели лезвием по намеченной линейке. На пальцах не было колец, в карманах – документов. Только ключ от сейфа и дорогие часы, которые все еще тикали, отсчитывая время, уже ненужное их владельцу. Собака лаяла истошно, пронзительно, и этот лай, отражаясь от кафельных стен подъезда, был единственным живым звуком в этом ледяном склепе.

Третьего – в восемь, на парковке у гаража-ракушки в Люблино. Владелец «Лексуса», мужчина с лицом боксера-профессионала, лежал ничком на сером от реагента асфальте, прямо у водительской двери. Убийство было иным. Грязным, на первый взгляд. Два выстрела в грудь, один – контрольный, в затылок. Но детали кричали. Гильзы лежали ровным треугольником в трех метрах от тела. Стреляли не вблизи, не в запале. Стреляли методично, с уже рассчитанной позиции. И патроны были не «нашенские», не барахло с черного рынка, а матчевые, с цельнотянутой гильзой. Ору-

жие высокого класса. Профессионал. Или профессионалы.

Информация стекалась в отдел капитана Крылова как вода в канализационный люк – отдельными струйками, холодными, безликими. Сначала – как три отдельных инцидента. Возможно, бытовуха. Возможно, криминал. Но когда оперативник принес распечатки и положил их на стол перед капитаном, тот, не отрываясь от чашки с остывшим кофе, провел толстым пальцем по адресам. Его лицо, и без того грубое, стало похоже на гранитную глыбу.

– Павел Игнатьев. Контролировал все теплотрассы от Садового до Третьего транспортного. Сдавал в аренду бомбоубежища под склады. – Палец ткнул в фото с Тверской-Ямской.

– Артем «Боцман» Семин. Его зона – коллекторы и подвалы всего Замоскворечья. Имел долю в охране нескольких стройплощадок, где копали глубоко. – Фото из подъезда на Котельнической.

– И этот... Сергей «Балу» Балакин. Держал под контролем гаражные кооперативы и старые промзоны в Люблино. Там сеть тоннелей, еще с войны. Для контрабанды.

Крылов отпил кофе. Горечь разлилась по языку.

– Все трое – не вершины. Среднячки. Но все трое – подземка. Кто-то очень хотел, чтобы они замолчали. Навсегда. Или кто-то расчищает площадку.

Он поднял глаза на дежурного опера.

– Привести всех в полную боевую готовность. Жду эскалации. Этих стреляли тихо. Следующие будут громко.

Эскалация пришла не с той стороны, с какой ждал Крылов.

В девять утра пустая инкассаторская машина «ГАЗель» с логотипом частного банка следовала по внутренней траектории от депо к офису. Маршрут был закрытый, ненужный. Деньги должны были загрузить позже. В салоне – водитель и старший инкассатор, двое ребят, обсуждавших вчерашний матч. На пустынном участке дороги у Нижегородской улицы их резко подрезал черный микроавтобус без номеров. Из него высыпали пять человек. Не в масках. В тактических очках и однотипных темных зимних куртках. Движения резкие, синхронные.

Водитель инкассаторки инстинктивно ударил по газам. Не успел.

Из микроавтобуса ударили очередь. Не в воздух. По колесам. По стеклам. Стекло превратилось в мутную, паутинистую массу. Инкассаторка дернулась, съехала в сугроб и замерла.

Люди в куртках подбежали. Не суесться. Один прицелился в дверь. Два точных выстрела – и замок слетел. Они вытащили водителя и инкассатора, прижали лицом к снегу. Не били. Просто обездвигили.

Старший инкассатор, парень с фамилией Гордеев, лежа в

ледяной каше, увидел сапоги. Не бандитские «боксеры», а армейские, с утолщенной подошвой. И услышал голос. Без эмоций, низкий, командный.

– Где груз?

– Машина... пустая, – выдавил Гордеев.

Наступила пауза. Казалось, вечность.

– Проверить.

Один из людей полез в салон. Через минуту вышел.

– Пусто.

Тот, что командовал, не выразил ни разочарования, ни злости. Просто кивнул.

– Забрать машину. Уничтожить связь.

Микроавтобус отъехал в сторону. Двое остались возле пленных. Потом раздался щелчок затвора. Гордеев зажмурился.

Но выстрела не последовало. Только шаги, удаляющиеся к заведенной инкассаторке. Он открыл глаза. Над ним стоял второй человек. Тот смотрел на него сквозь темные стекла очков. Потом, беззвучно, повернулся и ушел.

Инкассаторка рванула с места, ее забрызганные грязью борта скрылись в мгле.

Гордеев и водитель лежали еще минут пять, не веря, что живы. Потом поднялись, отряхивая с одежды снег, смешанный с химической желтизной реагента.

Сигнал о нападении и угоне пришел сразу. Ближайший

экипаж ДПС, пара молодых ребят, получили приказ перехватить. Они нашли «ГАЗель» быстро – она не скрывалась, двигалась по второстепенным улицам с невысокой скоростью. Милицейская «Приора» включила «мигалку», дала гудок. Инкассаторка прибавила ходу.

Погоня была короткой и бездарной. На заледенелом повороте водитель «ГАЗели» совершил невозможное – развернул неуклюжий фургон почти на месте и пошел на таран. «Приора» не успела среагировать. Удар пришелся в бок. Металл скрежетал, стекла посыпались градом алмазов. Из смятой милицейской машины повалил пар.

Из кабины инкассаторки вышел тот самый человек в тактических очках. Подошел к «Приоре». Водитель ДПС был жив, бился в деформированной двери. Его напарник, молодой парень, Вадим, сидел на пассажирском сиденье, уткнувшись головой в подушку безопасности. Но из-под подушки сочилась темная, почти черная в этом свете жидкость.

Человек в очках посмотрел на них. Потом поднял пистолет с длинным стволом – глушителем. Два выстрела. Сухие, приглушенные хлопки, похожие на лопающиеся воздушные пузыри в упаковке. Пар из разорванного радиатора на мгновение стал розовым.

Затем он вернулся к инкассаторке. Машина тронулась и растворилась в белой пелене, оставив после себя смятый полицейский автомобиль, два тела и тишину, нарушаемую лишь шипением кипятка из пробитого радиатора и далеким,

нарастающим воем новых сирен.

Капитан Крылов стоял на месте перехвата, когда туда приехал Селезнёв. Капитан не кричал. Он был тих. Страшно тих. Его массивная фигура в утепленной куртке с капюшоном казалась монолитом, вросшим в грязный снег. Он смотрел на то, что осталось от «Приоры», на пятна, уже припорошенные свежим снежком, на работу криминалистов, суетящихся, как муравьи в сахаре.

Селезнёв подошел, его ботинки скрипели в унисон с общим фоном. Он не поздоровался. Просто встал рядом.

– Мои пацаны, – наконец сказал Крылов, не глядя на следователя. Голос был хриплым, будто пропущенным через терку. – Молодой. Вадим. Жениться собирался. И его напарник. У обоих – дети.

Селезнёв молчал.

– Ограбление пустой машины. Угнали бронированную «ГАЗель». Убили моих при задержании. – Крылов медленно повернул к Селезнёву свое каменное лицо. В глазах горел не огонь ярости, а холодное, синее пламя абсолютной, беспощадной решимости. – Это не криминал. Не та методичка. Это военные. Или бывшие. И они не за деньгами пришли.

– Три тихих убийства утром, – тихо сказал Селезнёв, глядя не на капитана, а на схему, которую уже выстраивал в голове. – И один громкий, демонстративный инцидент днем. С отвлечением внимания. С избыточной жестокостью.

– Связь? – бросил Крылов.

– Подземка. Все трое убитых контролировали подземные коммуникации в своих зонах. Инкассаторку угнали в районе промзоны, где сеть старых тоннелей. Им нужна была не касса. Им нужна была бронированная машина. Для чего-то другого.

Крылов кивнул, раз-два, резко, как будто отбивая такт.

– Значит, война. Не за точки, не за бабки. За землю. Вернее, за то, что под ней. – Он оторвался от места преступления, его взгляд уперся в белесую пелену, в сторону центра. – Они начали зачистку. Мы – следующие на их пути. Приводи отделы в полную готовность. Штормовое предупреждение. Жди гостей на всех уровнях.

Он повернулся и пошел к своему служебному «Форду», тяжело ступая по снегу. Селезнёв остался стоять. Он вдыхал воздух, пахнувший гарью, выхлопами и той сладковатой, едва уловимой нотой, что остается после выстрелов – запахом сгоревшего пороха и развороченного металла. Система дала первый, неявный сбой. Тихий щелчок в морозной тишине. И теперь все ждали гула, который неизбежно должен был последовать.

А над Москвой, не обращая внимания на мелкую, копошащуюся внизу суету, по-прежнему висела неподвижная, равнодушная мгла, и звезды на темно-фиолетовом небе сверкали, как острия ледяных игл.

Первая кровь на снегу

Ночь не принесла перемирия. Мороз лишь усилился, выжав последние капли влаги из воздуха и превратив их в ледяную пыль, которая теперь висела неподвижным, колющим занавесом. Город не спал. Город замер в ожидании. И дождался.

Первая вспышка случилась на рассвете, в районе Чистых прудов. Не просто драка или стрельба из одного ствола. Это был взрыв. Короткая, яростная очередь из автомата, разорвавшая утреннюю тишину, как брезент. Потом ответная очередь. И еще. И еще. Звук был не привычным, глухим «тюканьем» криминальных «кобр», а резким, рвущим, с характерным металлическим лязгом – калибр другой, оружие не из подпольных арсеналов. Стекла в ближайших домах зазвенели, осыпаясь внутрь комнат, где люди, просыпаясь от кошмара, понимали, что кошмар теперь снаружи, за окном, и он стреляет.

Крылов был уже на ногах, когда по радиации пошел первый, перекошенный от адреналина голос: «Стрельба! Чистые пруды, угол Большого Харитоньевского! Группа лиц, человек десять! Автоматы! Есть раненые!». Он не успел отдать ко-

манду, как заговорил второй канал: «Вызов! Площадь Тургенева! Перестрелка! Стреляют из машины!». Третий: «Двор на Мясницкой! Гренады! Слышны взрывы!».

Это была не точечная стычка. Это был салют. Синхронный, яростный, по всему центру.

Крылов выбежал из отдела, втискивая голову в каску. Его люди, бледные, невыспавшиеся, но уже застегнутые на все молнии бронежилетов, грузились в микроавтобусы и патрульные машины. Лица были не испуганы, а сосредоточены. Это была их работа. Но в воздухе, густом от пара выхлопов и собственного дыхания, висело что-то еще – предчувствие. Предчувствие крови.

Колонна с мигалками, но без сирен, рванула в сторону Чистых прудов. Улицы были пусты. Желтые квадраты окон быстро гаснули, люди отползали в глубины квартир. Крылов смотрел в боковое стекло. Город мелькал за ним, как декорация к апокалипсису: белые крыши, серые стены, оранжевые столбы фонарей в молоке мглы. И тишина. Та самая, звенящая, предательская тишина, которую теперь рвали только звуки их двигателей и далекие, уже многочисленные, хлопки.

Они не доехали двухсот метров до места первого вызова,

когда рация взвыла снова: «Связь! Пропадает связь! У меня... глючит...». Голос исчез в шипении и треске. Крылов схватил свой аппарат. «Прием! Повтори!». В ответ – молчание, нарушаемое лишь равномерным, мертвым белым шумом. Он переключил канал. Тот же шум. Еще канал. Тишина.

– Глушение, – скрипуче проговорил водитель, молодой оперативник Семенов, его пальцы судорожно сжали руль.

– Не глушение. Отключение, – пробормотал Крылов, выкидывая рацию на сиденье. – Смотри.

Они проезжали перекресток. На углу, высоко на столбе, висела камера видеонаблюдения с маленьким красным светодиодом. Огонек горел ровно. Внезапно он моргнул и погас. Раз. И все камеры на их пути – на фасадах, на фонарных столбах – разом превратились в слепые, черные пуговицы.

Крылов почувствовал ледяную змею, развернувшуюся у него в животе. Это был не бандитский почерк. Это была военная тактика. Ослепление противника. Первый этап зачистки.

Микроавтобус влетел на площадь. Картина, открывшаяся им, не укладывалась в голове.

Это не была уличная перестрелка в понимании Крылова.

Не было толпы махающих стволами людей, неточной стрельбы, паники. Было две группы. Одна за баррикадой из перевернутого мусорного контейнера и двух легковушек, вторая – в подъезде и на балконах пятиэтажного сталинского дома. Они стреляли не просто так. Они вели огонь прицельно, короткими очередями, сменяя позиции. Один из стрелков на балконе использовал подствольный гранатомет. Свист. Вспышка у баррикады. Осколки кирпича и пластика взметнулись в воздух.

И полиция. Два патрульных «Форда» стояли в стороне, из-за одного из них вели огонь трюно полицейских. Они были прижаты. Один лежал на асфальте, неподвижно, рядом с ним лужа, черная и блестящая на фоне белого снега.

– Боже... – выдохнул Семенов.

– В бой! Всех накрыть! – рявкнул Крылов, распахивая дверь еще до полной остановки.

Он вывалился на улицу, и холод ударил в лицо, но это был уже не просто холод, а смесь мороза, дыма и чего-то сладковато-металлического – запаха крови и взрывчатки. Он прижался к борту микроавтобуса, его люди рассыпались веером. Первая же очередь со стороны баррикады прошила снег в метре от него, отбросив фонтан ледяной крошки.

– ОМОН через десять! Держать их! – крикнул Крылов, снимая с предохранителя свой автомат. Его мир сузился до размеров этой площади. До черных фигур за баррикадой. До дула, высовывающегося из окна подъезда. До лежащего полицейского.

Он прицелился. Выстрелил. Короткая очередь. Одна из фигур за баррикадой дернулась и осела.

Ответный огонь усилился. Пули застучали по металлу микроавтобуса, звонко, как молотки. Стекло в лобовом рассыпалось. Семенов вскрикнул и пригнулся.

– Снайпер! На крыше! – кто-то заорал.

Крылов поднял голову. На коньке крыши соседнего дома, в сером камуфляже, сливавшемся с небом, лежала фигура. Длинный ствол. Еще один выстрел. Сухой, одинокий хлопок. Один из его людей, бежавший к укрытию, споткнулся и упал, как подкошенный. Даже не крикнул.

Ярость, густая, горячая, подкатила к горлу Крылова. Он вскочил, почти не целясь, дал длинную очередь по крыше. Снег и лед слетели веером, снайпер скрылся. Но это была не победа. Это была отсрочка.

Бой длился семь минут. Семь вечностей. Потом с ревом, нагнетая ужас, подъехали серые автобусы ОМОНа. Люди в тяжелых шлемах и щитках вывалились наружу, и пространство заполнилось еще более плотным огнем, криками команд, гулом моторов. Бандиты – если это были бандиты – не стали дожидаться развязки. Со стороны баррикады бросили дымовую шашку. Бело-желтый, едкий дым пополз по площади, смешиваясь с мглой. Когда он рассеялся, за баррикадой никого не было. Только труп того, кого убил Крылов. И следы крови, уходящие в темный провал двора.

Со стороны сталинского дома стрельба тоже стихла. ОМОН штурмовал подъезд. Выстрелы внутри. Короткие. Затем тишина.

Крылов подошел к своему раненому, тому, что лежал с самого начала. Молодой парень, лицо восковое, глаза закатились. Грудь бронежилета была разворочена не пулей, а чем-то более мощным. Кровь сочилась из-под кевлара, впитываясь в снег, создавая уродливый, красно-бурый цветок. Он был мертв.

Рядом стоял Семенов. Он смотрел на труп, потом на свои руки. Они дрожали. Не от страха. От чего-то иного. От столкновения с абсурдом. Он вытер ладонью лицо, оставив грязную полосу.

– Капитан... – голос его сорвался. – Это кто? Кто они? Откуда у них... гранатометы? И... почему они стреляли друг в друга, а не в нас? Пока мы не начали.

Крылов не ответил. Он смотрел на площадь. На развороченный асфальт, на осколки стекла, сверкающие, как бриллианты в тусклом свете, на дым, медленно стелющийся по земле. Его слух, уже отвыкший от тишины, улавливал теперь другие звуки. Далекое, но такие же – перестрелки. В разных концах. Город горел. Точечно, методично, как на гигантской карте, где кто-то соединял кровавые точки.

В голове у него, сквозь туман ярости и горя, пробивалась холодная, неприятная мысль. Семенов был прав. Бойня на площади. Две группы, вооруженные до зубов, устроили показательную бойню. Но как только появилась полиция в серьезных силах – они отступили. Скоординированно. Как по команде. И оставили им труп. Один. Как образец. Как улику.

Это было похоже не на войну, а на спектакль. На кровавый, дорогой спектакль, поставленный для одного зрителя – для них, силовиков. Чтобы отвлечь. Чтобы занять. Чтобы заставить бегать по этим точкам, тушить пожары, хоронить своих.

К нему подошел начальник прибывшего ОМОНа, майор с усталым лицом под забралом шлема.

– Крылов. У тебя тут ад. И не только тут. По всему центру. Потери?

– Двое моих. Трое раненых. Их?

– В доме трое. Все мертвы. Оружие – «Винторезы», АК-С-74У с обвесом, гранаты. Не бутафория. Армейский склад.

– Опознание?

– Ничего. Лица... обычные. Но чистые. Ни татуировок, ни следов. Как болванки.

Крылов кивнул. Он подошел к трупу за баррикадой. Мужчина лет тридцати. Одежда – обычная зимняя, но новая, безликая. Руки чистые, без характерных мозолей или следов от колец. Как кукла. Он наклонился, приподнял куртку. На поясе – кобура с пистолетом, еще один магазин. И маленький, плоский трансивер. Не рация. Что-то более сложное. Он сорвал его. На корпусе – ни клейма, ни надписи. Только матово-черный пластик.

В этот момент зазвонил его служебный телефон, который он, по счастью, положил во внутренний карман. Глушение на него не подействовало.

– Крылов.

Голос начальника управления был сдержан, но в его интонациях читалась сталь.

– Антон Викторович. Картину вижу. Это уже не ЧП. Это война. Получил распоряжение свыше. С пятнадцати ноль-ноль вводится режим контртеррористической операции в пределах Садового кольца и прилегающих районов. Твой отдел – в оперативном подчинении у ФСБ. Задачи: локализация очагов, предотвращение паники, задержание боевиков. На улицах – войска.

– Понял, – глухо ответил Крылов. – А что с причиной? Кто это?

– Пока – неопределенные террористические группы. Возможно, связанные с криминальными структурами. Работаем. Твоя задача – выполнять приказы. Остальное – не твоя головная боль.

Связь прервалась.

Крылов опустил телефон. «Не твоя головная боль». Значит, наверху уже знают или догадываются, что это что-то большее, чем криминал. И предпочитают не вдаваться в детали. Просто давить. Силой. Огнем.

Он посмотрел на Семенова, который все еще смотрел на свои руки. На своих людей, перевязывающих раны, закуривающих на нервной дрожи. На ОМОНовцев, выносивших из подъезда черные мешки. На небо, белесое, низкое, безразличное.

Его первоначальная ярость схлынула, оставив после себя тяжелый, холодный осадок. Не страха. Понимания. Они вступили в игру, правил которой не знали. Противник был призрачным, тактика – нечитаемой, цель – неясной. А счет потерь уже открыт. И он рос с каждой минутой.

Он поднял с земли свой автомат. Металл был ледяным, даже сквозь перчатки. Как прутки льда.

– Семенов. Собираем ребят. Едем на следующий вызов.

– Куда, капитан?

– Туда, где стреляют. Пока они не начали стрелять в тех, кто не может ответить.

Он бросил последний взгляд на площадь, на первый снег, окрашенный в цвет ржавчины и меди. Первая кровь. Но он уже знал – она не будет последней. Это была лишь первая капля из той реки, что теперь должна была хлынуть по улицам замерзшего, ослепшего города, ставшего полем боя в чьей-то безумной, необъявленной войне.

Следователь и хаос

Кабинет оперативной группы в здании ГСУ напоминал улей после удара палкой. Воздух был густым от спертого тепла, запаха пота, старого ковра и горького, пережженного кофе из автомата в коридоре. Телефоны звонили не умолкая, на экранах мониторов лихорадочно сменялись карты с отметками, сводки, лица погибших. Люди говорили через слово, перебивая друг друга, их лица были заострены от недосыпа и адреналинового похмелья. Хаос. Видимый, слышимый, осязаемый. Он висел в воздухе, как статическое электричество, и разряжался вспышками раздраженных окриков, хлопаньем дверей, стуком клавиш.

Марк Селезнёв стоял у стены, завешанной фотографиями и схемами. Он не сидел. Сидение предполагало укорененность, принятие этой суеты как рабочей среды. Он стоял, его сухая, поджарая фигура была неподвижным штрихом на фоне мельтешения. Руки в карманах темных брюк, подбородок чуть приподнят, взгляд скользил по материалам не линейно, а какими-то странными, зигзагообразными скачками. Он не читал. Он считывал. Искал не факты, а пустоты между ними. Те самые нестыковки.

Его назначили два часа назад. Короткий разговор с начальником управления, сухой, без эмоций. «Разберись, кто заказчик. Все силы на твоей стороне. Но быстро, Селезнёв. Город в панике, наверху ждут виновных». Виновных. Во множественном числе. Уже была готовая коробочка: «криминальные группировки». Оставалось найти, кто конкретно и зачем. Но коробочка не закрывалась. Края загибались, не сходились.

На стене висели три карты. Первая – географическая, с булавками, обозначавшими места перестрелок за сегодня. Красные головки теснились в центре, образуя кровавое ажурное кольцо. Вторая – криминальная, с зонами влияния различных ОПГ, нарисованными разными цветами. Третья – схематическая, чистая, на ней Селезнёв только начал отмечать что-то свое, простым карандашом.

Его взгляд переходил с одной на другую. Снова и снова. Перестрелка на Чистых прудах. Территория, которую три года как поделили «славяне» и одна из чеченских группировок. Делили долго, кроваво. И вот, внезапно, вчерашние враги, согласно рапортам, вместе отстреливались от третьей силы, а затем вместе же и исчезли. Нелогично. Криминал держится на деньгах и страхе. Страх перед новым, более сильным врагом мог бы сплотить. Но тогда где тела представителей этой «третьей силы»? Их было трое. Все в одинаковой,

безликой одежде. Как манекены.

Столкновение у Павелецкого вокзала. Там зона контроля была у цыганского клана. Тихие, осторожные ребята, специализирующиеся на карманных кражах и мелком рэкрете. Согласно докладу, они отбивались от нападения с применением автоматического оружия и... подрывного заряда. Цыгане. Подрывные заряды. Это было как если бы балерина вдруг начала работать отбойным молотком. Диссонанс.

И везде – один и тот же почерк. Нападения не на точки сбора денег, не на склады, не на казино. На улицы. На перекрестки. На ничем не примечательные дворы. Как будто цель была не в захвате, а в самом факте стрельбы. В шуме.

Селезнёв подошел ближе, его глаза сузились. Он взял карандаш и на чистой карте начал ставить не точки, а маленькие крестики. Не там, где стреляли. А там, где что-то происходило до стрельбы. По данным из рапортов участковых, из сводок коммунальщиков.

Возле Чистых прудов, за сутки до бойни – аварийное отключение света на два часа. Плановое, согласно бумагам. Проверка оборудования.

У Павелецкого вокзала – ремонт тепловой камеры. Вход в коллектор.

В других точках – то замыкание на линии уличного освеще-

щения, то странный сбой в работе светофора, то жалоба на «гул под землей».

Он отступил на шаг. Крестики легли неровным ореолом вокруг красных булавок. Не идеально, но тенденция проступала, как рисунок на промокашке. Хаос на поверхности. И тихая, почти незаметная активность под ним, рядом с ним, прямо перед ним.

Дверь в кабинет распахнулась с такой силой, что она ударилась об ограничитель. В проеме стоял капитан Крылов. Его куртка была в подтеках грязи и белых разводах – следы снега и реагента. Лицо красное от мороза и ярости, глаза впились в Селезнёва, будто искали на нем место для удара.

– Селезнёв? Тот самый следователь? – голос был хриплым, простуженным, но сила в нем была тугая, как трос.

– Я, – просто ответил Селезнёв, не меняя позы.

– Мне сказали, ты теперь главный по бумажкам. Отлично. Сиди тут, главь. А я пошел двух своих хоронить. Молодых пацанов. Из-за того, что какая-то мразь решила поиграть в войну.

– Мои соболезнования, – сказал Селезнёв без интонации. Это прозвучало не как сочувствие, а как констатация факта.

Крылов фыркнул, шагнул в кабинет. Его взгляд скользнул по картам.

– И что? Нашел уже супостата? В булабочки поиграл?

– Я нашел несоответствия, – сказал Селезнёв, указывая карандашом на свою чистую карту. – Столкновения происходят в точках, не имеющих стратегического значения для криминального бизнеса. Оружие и тактика нападающих не соответствуют профилю группировок, за которыми эти территории закреплены. Нападения на ваши патрули слишком точны и подготовлены. Это не самооборона. Это засады.

– Ты что, умнее всех? – Крылов приблизился, от него пахло холодом, порохом и чем-то кислым – потом. – Там на улице кровь льется рекой! А ты мне тут логические задачки загадываешь! У меня каждый час потери! Они стреляют, Селезнёв! На поражение!

– Именно поэтому нужно понимать, куда целиться, – холодно парировал Селезнёв. – Если вы будете бить по теням, вы потеряете еще больше людей. И не остановите ничего.

– Я бью по тому, кто стреляет в моих людей! По бандитам! Их метод – сила. Мой метод – больше силы. А твой метод – что? Карандашиком по бумажке водить?

– Мой метод – найти причину. Которая, судя по всему, не в бандитских разборках.

Крылов замер. Его ярость на миг уступила место ледяному, презрительному удивлению.

– То есть?

– То есть кто-то очень заинтересован, чтобы вы и все остальные силовики бегали по этим точкам, – Селезнёв ткнул карандашом в красные булавки. – Кто-то создает шум.

Дымовую завесу. Чтобы под ее прикрытием делать что-то другое. Тихое. Невидимое.

– Бред, – отрезал Крылов, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Он сам видел странную организованность «бандитов», их непохожесть на бандитов. – Под прикрытием? Что можно делать под прикрытием стрельбы в центре Москвы?

– То, что нельзя делать в тишине, – тихо сказал Селезнёв. – Например, копать. Или монтировать. Или подключаться.

Он повернулся к карте с крестиками.

– Все места столкновений находятся в непосредственной близости от точек доступа к подземным коммуникациям, к узлам городской инфраструктуры. Вчера убили трех «авторитетов», контролировавших подземку. Сегодня началась война на поверхности прямо над ней. Это не совпадение. Это система.

Крылов молчал несколько секунд. Дышал тяжело, как бык.

– И что ты предлагаешь? Прекратить отвечать на вызовы? Дать им захватить город?

– Я предлагаю выделить ресурс. Самый дефицитный сейчас. Время и внимание. Не бросать все силы на каждую вспышку. Создать мобильные резервы. А главное – начать проверять тихие точки. Те самые подземные коммуникации. Нефтебазы? Нет. Водоканалы? Нет. Старые бомбоубежища,

заброшенные тоннели, вентиляционные шахты метро. Туда, куда не смотрят камеры. Туда, откуда доносятся «гулы».

– ФСБ уже...

– ФСБ будет искать террористов, – перебил Селезнёв. – А я ищу логику. И пока что логика ведет под землю.

Крылов смотрел на него, будто видел впервые. Не врага, не штафирку, а нечто иное – холодный, расчетливый механизм, работающий в другом режиме.

– У меня нет людей на это, – наконец сказал он, уже без прежней ярости, устало. – У меня каждый ствол на счету.

– Тогда дайте мне доступ. К информации. К вашим низовым информаторам. К тем, кто знает подземку не по схемам, а по запаху.

– Ты с ума сошел? Лезть туда сейчас? Там теперь фронт.

– Там, где фронт, всегда есть тылы. И всегда есть те, кто наблюдает. Мне нужен один человек. Самый знающий. Не из ваших опера. Из тех, кто на дне.

Крылов задумался. Потом резко кивнул.

– Ладно. Есть один тип. «Профессор». Живет в ангаре на промзоне. Чудак. Но знает все про все. Абсолютно все. Я дам тебе адрес и скажу кодовое слово. Но предупреждаю – он не любит гостей. И сейчас, при таком раскладе, тем более.

– Это риск, – согласился Селезнёв. – Но сидеть здесь и смотреть, как вы хороните своих людей, не вскрывая причину, – больший риск.

Крылов тяжело вздохнул, достал из внутреннего кармана

блокнот, что-то быстро накарябал, вырвал листок.

– Держи. Удачи. Только не лезь на рожон. Если что – звони. Но учти, вытаскивать тебя будет некогда.

Селезнёв взял листок, не глядя сунул его в карман.

– Капитан. Еще один вопрос. Про тех троих, что убиты вчера. У них изъяли телефоны, планшеты?

– Да. В лаборатории. Ничего особенного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.